

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС

О ЛЮБВИ И ПРОЧИХ БЕСАХ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.134.2-31(861)

ББК 84(7Кол)-44

Г20

Серия «Эксклюзивная классика»

Gabriel García Márquez
DEL AMOR Y OTROS DEMONIOS

Перевод с испанского М. Былинкиной
Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Гарсиа Маркес, Габриэль.

Г20

О любви и прочих бесах: роман] / Габриэль Гарсиа Маркес ; [пер. с исп. М. И. Былинкиной]. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 224 с. – (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-087533-7

Роман «О любви и прочих бесах» вышел в 1994 году. Трогательное, проникновенное произведение о любви. Юную маркизу Марию заточили в монастырь, обвинив ее в безумии. Молодой священник Каэтано решает излечить душу несчастной. Между ними вспыхивает страсть. Герои не в силах совладать с этим чувством. Одержимость друг другом оборачивается трагедией, но у любви нет сслагательного наклонения, нет прошедшего времени, она сильнее любых других бесов и даже самой смерти...

УДК 821.134.2-31(861)

ББК 84(7Кол)-44

© Gabriel García Márquez, 1994

© Перевод. М. Былинкина, наследники, 2016

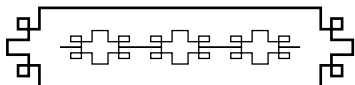
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-087533-7

*Для Кармен Бальсельс,
люющей слезы.*

Волосы, вероятно, воскресают
гораздо раньше остальных
частей тела.

*Фома Аквинский. О воскресении
тела в целом. Раздел 8, гл. 5*

От автора

День 29 октября 1949 года выдался скучным на сенсации. Маэстро Клементе Мануэль Сабала, шеф редакции той газеты, где я делал первые шаги в своей карьере, закрыл утреннее совещание пустой напутственной фразой. Никто из сотрудников не получил никакого конкретного задания, и мы собрались разойтись. Тут, однако, зазвонил телефон, шеф услышал, что вскрываются гробницы в старинном монастыре, кратко называемом Санта Клара, и сказал мне без всякого энтузиазма:

— Сходи-ка туда. Может, найдешь что-нибудь интересное.

Древняя святая обитель, превращенная около века назад в больницу, теперь выставилась на продажу, чтобы на ее месте воздвигнуть пя-

тизвездочный отель. Великолепная монастырская капелла находилась в плачевном состоянии из-за насквозь дырявой кровли, но гробницы, где были захоронены представители трех поколений епископов, настоятельниц и других выдающихся личностей, были в целости и сохранности. Их следовало вскрыть, передать останки потомкам, а невостребованное свалить в общую могилу.

Меня впечатлила простота этой операции. Работники, не мудрствуя лукаво, крушили ломом и заступом склепы, извлекали деревянные гробы, которые тут же рассыпались в труху, и стряхивали с костей гниль, клочки одежды и тронутые тленом волосы. Чем знаменитее был покойник, тем резвее шла работа, ибо из всей этой истлевшей мешанины можно было выловить драгоценный камешек или ювелирную поделку.

Начальник заносил мемориальные даты в школьную тетрадку, собирал кости в кучки, а чтобы кучки не смешивались, помечал их бумажками с именем умершего. Таким образом, первое, что я увидел, войдя в собор, был длинный ряд костей и черепов, гревшихся на жарком октябрьском солнце, лучи которого безудержно струились из прогалины в кровле, а также ворох этих бумажек, где, кроме даты и имени покой-

ного, ничего другого обозначено не было. До сих пор, полвека спустя, я не могу отделаться от жуткого впечатления, которое произвело на меня это свидетельство безжалостного хода времени.

Среди прочих там были захоронены вице-король Перу и его тайная любовница, епископ этой провинции Торибио де Касерес-и-Виртудес; несколько настоятельниц монастыря, в числе которых значилась и мать Хосефа Миранда; там же покоился и большой мастер своего дела дон Кристобаль де Эрасо, который посвятил полжизни изобретению звуковой живописи. Была вскрыта и усыпальница с начертанным на ней именем второго маркиза де Касальдуэро, донна Игнасио де Альфаро-и-Дуэньяса, но его склеп, к удивлению, оказался пуст и без всяких признаков использования по назначению. В то же время останки маркизы, доньи Олалии де Мендоса, мирно покоились по соседству в ее собственном склепе. Начальник этому не удивился: вполне возможно, что благородный сеньор предпочел иметь последнее прибежище подальше от нее.

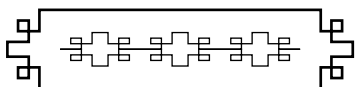
В другом крыле алтаря меня ждал сюрприз. Когда при первом ударе лома крышка очередного гроба распалась на куски, наружу выкатилась волна роскошных, отливавших бронзой волос. Работники общими усилиями вытащили густые

волосы, которым, казалось, не было конца и которые никак не отрывались от девичьего черепа. В этой гробнице не обнаружилось более ничего, кроме отдельных костей и поблекшего от времени имени без фамилии: Мария Анхела раба Божья. И — чудесной реки волос длиной двадцать два метра и одиннадцать сантиметров.

Начальник спокойно объяснил мне, что человеческие волосы и после смерти растут по сантиметру в месяц; судя по длине этой более чем двадцатиметровой шевелюры, ей не менее двух сотен лет. Меня, однако, не удовлетворило такое тривиальное объяснение, потому что еще в детстве бабушка рассказала мне легенду об одной юной двенадцатилетней маркизе, за которой ее волосы тащились, как шлейф новобрачной, и которая умерла от укуса бешеной собаки. Народ почему-то считал ее чудотворицей.

Предположение о том, что здесь была захоронена именно она, увенчало в тот день успехом мои репортерские старания и подвигло меня на создание этой книжки.

Габриэль Гарсиа Маркес
Картахена де Индиас, 1994.

Один

Серая собака с белой меткой на лбу ворвалась в сумятицу воскресного рынка, сокрушая жаровни с мясом, разметывая хлипкие прилавки с фруктами и разваливая палатки со всякой мишурой, заодно кусая тех, кто попадался на пути. Укушенных оказалось четверо: три невольника-негра и Мария Анхела, единственная дочка маркиза Касальдуэро, которая пришла сюда со служанкой-мулаткой купить гирлянду колокольчиков ко дню празднования своего двенадцатилетия.

Обеим было не велено входить в ворота рынка, но служанка сообразила, что проникнуть внутрь можно по мосту со стороны Гефсиманского предместья и, кстати, узнать, что за шум и гам стоит у причала в порту, где обычно торгуют черными рабами из Гвинеи.

Корабль компании «Гадитано де Негрос», которого с тревогой ждали уже целую неделю, наконец вошел в порт. До этого стало известно, что на борту свирепствует страшный мор. Корабль бросил якорь далеко от причала, и моряки выбрасывали трупы рабов в море без всякого балласта. Волны подхватывали вздувшиеся тела с землистыми лицами и выбрасывали на берег. Люди не знали, была ли тому виной какая-то чума африканская или отравление испорченной пищей.

В тот час, когда серая собака металась по рынку, шла продажа выживших негров, значительно уцененных из-за истощившей их болезни. Продавцы старались возместить себе ущерб за счет одной рабыни, которая стоила всех остальных. Это была абиссинка ростом в два метра, лоснившаяся от сахарной мелассы, которой ее намазали вместо обычного жира, и поражавшая несказанной красотой: точеный нос, круглая, как тыква, голова; миндалевидные глаза, жемчужные зубы и гордая стать римского гладиатора. Ее не выводили на помост со всеми остальными рабами, не восхваляли молодость или здоровье, а рассчитывали выгодно продать за одну лишь внешность. Губернатор купил ее, не скупясь и не торгуясь, за бешеные деньги. «Абиссинка — на вес золота», — говорили люди.

В ту пору никого не удивляло то, что бродячие собаки, гоняя по улицам кошек или отбивая у стервятников падаль, кусали людей. Чаще всего такое случалось в воскресные дни на рынке или во время толкотни у причала, когда люди глазели на корабли-галеоны, проходившие мимо на праздник в Портобело. Пять-шесть укусов за день не считалось событием большой важности, тем более такая пустяковая ранка, как у Марии Анхелы, которая даже не взглянула на левую покусанную щиколотку. Да и служанка не придавала этому значения и ограничилась тем, что приложила к ноге девочки лимон с сахаром, промыла ранку цыплячьей кровью, и помыслы всех и вся снова обратились к празднованию двенадцатилетия Марии Анхелы.

Бернарда Кабрера, мать девушки и нетитулованная супруга маркиза Касальдуэро, в то утро производила капитальную очистку кишечника, приняв семь таблеток сурьмы на стакан розовой воды. Она была яркой представительницей так называемой торгашеской знати: обольстительная, хищная, разудалая и такая жадная на еду, что ей могло бы не хватить и рациона целой казармы. Потому не прошло и нескольких лет, как она перестала блистать в обществе из-за чрезмерного потребления медовухи и возбуждающе крепкого какао. Ее цыганские глаза погасли, ли-

хость иссякла, кровь изрядно разбавилась желчью, а тело античной сирены вспухло и пожелтело, как у покойника трехдневной давности. При этом ее мучило постоянное вздутие кишок и неблагоприятные звучные выхлопы, пугавшие цепных псов. Она почти не покидала спальню, да и там ходила в чем мать родила или накидывала капот из легкой саржи на голое тело, отчего казалась еще более голой.

Бернарда уже успела семь раз основательно облегчиться, когда служанка с Марией Анхелой вернулась домой, но ничего ей не сказала о собачьем укусе. Зато с жаром сообщила хозяйке в подробностях о наделавшей много шума продаже рабыни. «Если она так хороша, как говоришь, то, может, и в самом деле она абиссинка», — сказала Бернарда. Да будь эта раба хоть сама царица Савская, вряд ли кто-нибудь мог купить ее за золото по весу тела, думалось ей, и она заметила:

— Наверное, за золотые песо.

— Нет, — возразила служанка, — за столько золота, сколько весит негритянка.

— Раба в семь четвертей весит не меньше ста двадцати фунтов, — сказала Бернарда. — Нет такой ни белой, ни черной женщины, которая стоила бы сто двадцать фунтов золота, если только из нее вместо дерьма брильянты не лезут.

Никто не мог перещеголять ее в опыте по части работорговли, и она была убеждена, что губернатор не станет покупать такую дорогую невольницу только для грязной работы на кухне. В эту минуту слышались звонкие переливы свирели и треск петард, и тут же хором залаяли собаки на цепях. Бернарда вышла в апельсиновый сад посмотреть, что там происходит.

Дон Игнасио де Альфаро-и-Дуэньяс, второй маркиз Касальдуэро и сеньор дель Дарьен, лежа в гамаке среди апельсиновых деревьев в час съесты, тоже услышал шум и музыку. Был он человеком угрюмым, болезненным и мертвенно-бледным из-за того, что во сне по ночам его кусали летучие мыши-кровососы. Дома маркиз ходил в персидском халате и в толедском колпаке, что придавало ему еще более унылый и отрешенный вид. Увидев супругу в ее перевозданном виде, он поспешил спросить:

— В честь кого музыка?

— Не знаю, — сказала она. — Какое сегодня число?

Маркиз тоже не знал. Да и не очень этим интересовался, чтобы продолжать расспрашивать свою жену, а она слишком была озабочена своим желудком и желчным пузырем, чтобы ответить ему без раздражения. Он снова улегся в гамак,